

В. С. СОЛОВЬЕВ: ЭКОНОМИКА С ПОЗИЦИЙ ФИЛОСОФИИ МОРАЛИ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с ролью и значением нравственности в предпринимательстве, затронутые в этике В. С. Соловьева. Центральной идеей Соловьева при анализе экономической жизни является признание ее особым, своеобразным поприщем для единого (точнее, триединого) нравственного закона. Подобное признание абсолютного превосходства духовного начала над материальным позволяет Соловьеву сделать целый ряд выводов, сохраняющих исключительно важное значение и для организации хозяйственной жизни в современной России.

В начале XXI в. в России завершился переход к рыночной экономике. Его негативная, с нравственной точки зрения оценка не подлежит сомнению. Все было безнравственно: и приватизация, и шоковая терапия, и обнищание половины населения, и связь бизнеса с криминалом. Сейчас, когда хозяйственная жизнь в стране приобрела относительную устойчивость и даже отмечается некоторый подъем экономики, весьма актуален вопрос о том, насколько удастся в наших экономических отношениях воплотиться нравственному началу.

Огромную помощь в таком исследовании может оказать этический анализ экономики В. С. Соловьевым. Следует отметить, что в публикациях, посвященных этике бизнеса и этике хозяйства вообще, ссылаются в основном на многочисленные работы зарубежных авторов, а идеям Соловьева не уделяется внимание, хотя, на наш взгляд, ему глубже, чем кому-либо, удалось рассмотреть экономический вопрос «с нравственной точки зрения».

Как известно, этика Соловьева строится на трех основных добродетелях: господстве над материальной чувственностью, солидарности с живыми существами и добровольном подчинении сверхъестественному началу. От первичных данных нравственности Соловьев переходит к выводимым из них принципам.

Согласно первому нравственному принципу, на страже которого стоит чувство стыда, животная (материальная) жизнь в человеке должна быть подчинена духовной. Речь идет здесь не об отождествлении материальной природы со злом, а всего лишь о недопустимости подчинения всей жизни человека материальной природе (питание, сон, размножение). Данный принцип, имеющий прямое отношение к хозяйственной деятельности, Соловьев называет аскетическим началом нравственности. Но аскетизм не является безусловным или высшим принципом. Он приобретает нравственное значение только при условии соединения с принципом альтруизма, коренящимся в *жалости*, и с принципом *свободного подчинения* своей воли требованиям высшего начала, который приводит всякое разумное существо к признанию своей зависимости от чего-то высшего: родителей, предков, а затем и Бога.

Религиозное чувство в качестве безусловного и всеобъемлющего начала жизни возводит затем на ту же высоту и два других нравственных чувства: стыд и жалость. Добродетель, согласно Соловьеву, есть нормальное или должное отношение человека ко всему: низшему, подобному, высшему. Основных же добродетелей три, а остальные (в том числе и христианские: вера, надежда, любовь) являются таковыми лишь постольку, поскольку выражают эти три.

Акцент на трех выделенных Соловьевым основаниях нравственности делается потому, что именно их взаимосвязь и единство положено мыслителем в основу анализа экономической жизни. «Триединое нравственное начало, – писал он, – определяющее наше должное положение относительно Бога, людей и материальной природы, находит свое всецелое и нераздельное применение в области экономической» [1, с. 417].

Подчинение триединому нравственному началу – таков первый методологический принцип, который может быть взят из учения Соловьева и применен для анализа любой экономической и хозяйственной деятельности. Другая основополагающая идея Соловьева, позволяющая понять высший смысл и назначение хозяйства и экономики, касается общего процесса совершенствования человечества и перехода его от «зверочеловечества» к «богочеловечеству». «Камень существует, – рассуждал философ, – растение существует и живет, животное, сверх того, сознает свою жизнь в ее фактических состояниях, человек уразумевает ее смысл по идеям, сыны Божии осуществляют действительно этот смысл, или совершенный нравственный порядок, во всем до конца» [1, с. 268].

При этом Соловьев считал, что только благодаря христианству мы можем добиваться осуществления достойного бытия во всем. Христианство в отличие от буддизма не ограничивается безвольным отрешением от жизни и в отличие от древнегреческого идеализма Сократа и Платона не останавливается только на умственном созерцании положительного идеала. Таким образом, жизненная задача человека в сфере экономики совпадает с общей задачей христианина по спасению мира и превращению его в Царство Божие. Уже здесь в свете нравственного идеала заметно существенное отличие бизнесмена, решающего чисто экономические задачи, от предпринимателя, в ходе деятельности которого достигается «совершенный нравственный порядок».

Несостоятельность ортодоксальной (буржуазной) политэкономии Соловьев видит в том, что она отделяет принципиально область хозяйственную от нравственной. Никаких самостоятельных экономических законов, никакой абсолютной экономической необходимости, по мнению Соловьева, не существует. Самостоятельный и безусловный закон для человека только один – нравственный; необходимость тоже только одна – нравственная. Свободную игру экономических законов, не связанную и не определенную нравственными целями, он сравнивает со свободной игрой химических элементов в разлагающемся трупe, поскольку именно нравственность составляет стержень социальной и личной жизни.

Обособление экономической деятельности как самостоятельной и себедовлеющей приводит к тому, что вещественное благо (материальное богатство) признается экономистами самостоятельным благом и окончательной целью хозяйственной деятельности. Виновным в этом «грехе» подмены, по мнению Соловьева, является уже Адам Смит. Фредерик Бастиа также писал о гармонии личного интереса с общим, поскольку каждый, заботясь только о себе (и о своих), невольно работает и на пользу всех.

Наши идеологи рыночной экономики отделяются от упреков в эгоизме точно такими же доводами, как и их «классические» предшественники, поэтому критика Соловьева непосредственно относится и к их аргументам. Соловьев прямо указывает на недостаточность «естественной связи экономических отношений». Для того чтобы всякий, трудящийся для себя, трудился

вместе с тем и для всех, необходимо сознательное направление к общему благу. Иначе, по его мнению, «естественная гармония» и «индивидуалистическая свобода интересов» неизбежно обернутся хищениями, обманами, эксплуатацией чужого труда, что и было характерно для древнего рабовладения, средневекового господского права и современной плутократии. «Исходя из частного, материального интереса как цели труда, – писал Соловьев, – мы приходим не к общему благу, а только к общему раздору и разрушению» [1, с. 427].

Логику утилитаризма Соловьев считал несостоятельной. Согласно этой логике, всякий желает себе пользы, но польза всякого состоит в том, чтобы служить общей пользе, следовательно, всякий должен служить общей пользе. Верным, по мнению Соловьева, является только заключение, а посылки ложные, и соединение их ложно. Многие желают лишь того, что доставляет им непосредственное удовольствие, пусть даже и вредное по своим последствиям. Та польза, как считал Соловьев, которую желает себе всякий, не имеет никакого отношения к всеобщему благополучию, а та польза, которая состоит в общем благополучии, не есть та, которую желает всякий.

Несводимость нравственности к критериям полезности Соловьев остроумно продемонстрировал на примере открытия печатного станка и парового котла: несмотря на огромную полезность данных изобретений, действия Гуттенберга и Уатта следовало бы признать безнравственными, если бы вдруг ради этих открытий им пришлось намеренно и сознательно пожертвовать хотя бы только одним дикарем или варваром.

Безнравственность капиталистической системы хозяйства Соловьев усматривает не в индивидуальной или наследственной собственности, не в разделении труда и капитала и не в неравенстве имуществ, а именно в плутократии, т.е. в извращении должного общественного порядка и возведении низшей и служебной по существу области (экономической) в степень высшей и господствующей и в низведении всего остального до значения средства и орудия материальных выгод. Тот же самый упрек, по мнению Соловьева, можно сделать и социализму. Когда рабочий класс начинает заботиться исключительно о своем материальном интересе, он оказывается столь же своекорыстным и теряет всякое нравственное преимущество перед буржуазией. У обеих сторон один и тот же девиз: «О хлебе едином жив будет человек» [1, с. 414].

Таким образом, центральной идеей Соловьева при анализе экономической жизни является признание ее особым, своеобразным поприщем для единого (точнее, триединого) нравственного закона. Подобное признание абсолютного превосходства духовного начала над материальным позволяет Соловьеву сделать целый ряд выводов, сохраняющих исключительно важное значение и для организации хозяйственной жизни в современной России:

1. Экономика не может быть построена на основе частного интереса. Частное своекорыстие нуждается в постоянном ограничении как со стороны собственного морального сознания, так и со стороны правительственной власти. «Провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer*, – писал Соловьев, – значит говорить обществу: умри и разлагайся!»¹ [1, с. 408]. Так, *некоторые* русские помещики еще до официальной отмены крепостного права отпускали на

¹ Выражение «Позволяйте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда хочет)» принадлежит французскому экономисту Ж. К. Гурне (1712–1759); оно стало в XVIII в. общим принципом экономистов, требовавших невмешательства со стороны государства в экономические отношения капиталистического характера.

волю своих крестьян из-за нравственных соображений, но после решения правительства *никто* уже не мог покупать и продавать крестьян. Точно так же, если сейчас лишь некоторые представители крупного бизнеса могут отказаться от фантастического размера прибыли, переводя часть денег на благотворительные цели, то после принятия разумных правительственных законов можно было бы сделать подобные накопления невозможными. Если, например, актриса за съемки фильма получает десять миллионов долларов, значит, экономические отношения в шоу-бизнесе этой страны строятся на «естественных», т.е. оторванных от нравственных норм принципах. Не случайно современные экономисты-рыночники, пытаясь любым способом освободить экономику от нравственных ограничений и открыть дорогу «естественному» стремлению каждого человека к прибыли, обращаются за поддержкой к «естествознанию», в частности ссылаясь на синергетику, на самопроизвольное рождение порядка из хаоса и подобные неадекватные случаю примеры.

Признавая частную собственность на средства производства и на землю необходимым общественным условием нравственного прогресса, Соловьев в то же время считал, что государство должно препятствовать злоупотреблению своим имуществом в ущерб общему благу или общественной правде. Точно так же нельзя считать злом такие экономические явления, как деньги, торговля и банки. Они становятся злом, когда вместо необходимого обмена служат корысти и обману. Превращение материального интереса из служебного в господствующий порождает фальсификацию товаров, спекуляцию и ростовщичество.

Соловьев критиковал существовавшее в политэкономии определение, согласно которому торговля рассматривалась как «занятие покупкой и продажей товаров с целью получения прибыли». Если торговля должна быть только прибыльной, то этим узаконивается и всякая выгодная подделка товаров, и всякая успешная спекуляция, и всякое неограниченное ростовщичество. «Необходимо признать, – писал Соловьев, – что торговля и вообще обмен может быть орудием частной прибыли лишь под неперемным условием быть первее того общественным служением, или исполнением общественной функции для блага всех». Нормальное общество, по мнению Соловьева, должно решительно противостоять «пышным произрастаниям безмерного корыстолюбия». Мы видели в 90-е гг., как наше общество решительно способствовало крупномасштабным аферам и спекуляциям.

2. Нравственная обязанность воздержания не может признать нормальным безудержный рост потребностей и такой же рост производства вещей, удовлетворяющих эти потребности. Соловьев с иронией спрашивает: «Где в области экономической хоть какое-нибудь учреждение, в котором объективировалась бы добродетель воздержания?» Речь тут идет не об индивидуальных качествах директора или отдельных работников, которые могут быть аскетами в жизни, а об общей цели частного предприятия, существующего благодаря возникновению новой потребности и процветающего благодаря ее всяческому раздуванию и рекламированию.

Потребности могут возрастать и осложняться до бесконечности. Соловьев приводит пример с потребностью в порнографии, с извращенной способностью ума и воли к ловкому устройству мошеннических афер на легальной почве. Политэкономия сама по себе, как наука, ограниченная материальной и фактической стороной дела, не может сдерживать эти явления. Для это-

го нужно подчинить эти вопросы высшей причинности, т.е. выйти за рамки политической экономии и обратиться к нравственному началу, именно оно определяет, что должно, а что не должно делаться в сфере экономической.

Для Соловьева экономизм неотделим от аскетизма, поскольку нормальный принцип экономической деятельности есть экономия, сбережение, концентрация психических сил. То, что норма материальной жизни есть воздержание, по его мнению, было ясно для философских школ еще в древности, однако к XIX в. эта истина стала едва «брезжущей» в таких явлениях, как аскетическая мораль Шопенгауэра, успехи вегетарианства, распространение индуизма и буддизма и т.д. Можно уверенно сказать, что к XXI в. «мерцание» аскетизма в российской экономике исчезло вообще. Погоня за наживой поглотила не только частных предпринимателей, но и государственных служащих.

Соловьев считал, например, что производство предметов роскоши должно быть сокращено, что беды не будет, если некоторые капиталисты-фабриканты вместо миллиона будут получать полмиллиона, вместо ста тысяч – пятьдесят из-за сокращения производства товаров, не являющихся необходимыми. Современным экономистам подобные рассуждения могут показаться наивными. Но ведь они и не предполагали учета нравственных побуждений в процессе производства и распределения. С самого начала их интересовал человек только как деятель экономической – производитель, собственник и потребитель вещественных благ. Соловьев называет такую точку зрения «ложной и безнравственной».

3. Нравственная точка зрения обязывает пересмотреть понятие труда, закрепившееся в классической политической экономии. Кроме того, что нельзя его связывать с удовлетворением всяких потребностей, его целью нельзя считать произведение наибольшего богатства.

Человек, во-первых, должен трудиться с сознанием и желанием общепольности своего труда, смотреть на него как на обязанность исполнения воли Божией и служения благосостоянию ближних.

Во вторых, труд несовместим с унижением человеческого достоинства, которое имеет место при грубо механическом характере работы и чрезмерном напряжении мускульной силы, а также если он по своей ежедневной продолжительности поглощает все время и все силы рабочего, не оставляя ни времени, ни сил для мыслей и забот духовного порядка. «Итак, с нравственной точки зрения требуется, чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию (т.е. пищу, одежду и жилище с теплом и воздухом) и достаточный физический отдых, но чтобы он мог также пользоваться и досугом для своего духовного совершенствования. Это и только это требуется для всякого христианина и рабочего, лишнее же от лукавого» [1, с. 423].

В-третьих, нравственное требование к труду как взаимодействию людей в материальной области связано с обязанностями человека относительно той самой материальной природы, которую он обрабатывает. Соловьев признавал, что на эту сторону труда еще никто не обращал серьезного внимания. Природа, по его мнению, так же, как и наши ближние, не должна быть лишь безразличным орудием экономического производства и эксплуатации. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее несправедливой: она имеет право на нашу помощь, направленную на ее преобразование и возвышение. «Цель труда по отношению к материальной природе не

есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой – оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного» [1, с. 427].

Соловьев не указывал на конкретные способы такого преобразования и одухотворения. Они могут быть неизвестны и до сих пор, однако принципиально важно понять, что без любви к природе *самой по себе* нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни и что, кроме подчинения природы и борьбы с ней, у человека есть еще нравственная задача, выражающаяся в утверждении ее идеального состояния – того, чем она *должна стать* через творческую деятельность человека.

Простая материальная необходимость труда для поддержания своего существования всегда осложняется нравственным вопросом – заботой о других людях, заботой о природе. Соловьев, таким образом, предлагал новое понятие труда: «Труд есть взаимодействие в области материальной, которое, в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу» [1, с. 420].

4. Еще один важный вывод, который можно сделать из этики Соловьева, касается последовательности осуществления нравственной организации человечества. Хотя такая организация представляет собой нераздельную триединую задачу (церковь собирает и организует благочестие, государство – жалость и симпатию, а экономика – материальную жизнь и природу), исторически, по мнению Соловьева, она решается в определенной последовательности. На первый план выступает сначала религиозная христианская задача, затем политическая и только после этого экономическая.

Должная организация экономических отношений, т.е. устройство нравственной связи между человеком и материальной природой, обусловлена нормальным религиозным положением человечества, определяемым церковью, и нормальными межчеловеческими или альтруистическими отношениями, утверждаемыми в государстве. Этой последовательностью, кстати, Соловьев объясняет тот факт, что христианское хозяйство в конце XIX в. находилось еще в отсталом состоянии «видимого небытия». Он указывает, что кулачное право средних веков так же не соответствовало нравственной норме государства, как банки и биржи XIX в. – нравственной норме экономических отношений.

Для современной России этот вывод важен тем, что наши экономические преобразования зачастую выдвигаются на первый план. Многие экономисты склонны рассуждать и действовать по старой (марксистской) схеме – наскоком и насильственно проводить экономические преобразования (приватизацию, либерализацию цен), отодвигая политические и духовные задачи на последующий период. В советское время официально говорилось о первичности экономики, но на деле важнее всего считалась политика и идеология. В 90-е гг. рыночная экономика сама становится идеологией. И если первое условие для создания нравственной экономики было как-то выполнено (активность церкви по организации благочестия значительно возросла), то от организации жалости и справедливости государство отказалось, страна была охвачена жестоким, своекорыстным и криминальным бизнесом. Русскому предпринимателю пришлось уступить дорогу безнравственному бизнесу.

Как видим, обращение к творческому наследию В. С. Соловьева могло бы избавить нашу экономику от досадных просчетов и моральной бесперспективности.

Список литературы

1. **Соловьев, В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1988. – Т 1. – 892 с.